

Она бродила по опустевшему офису, томилась, пока его одинокая фигурка то замирала, то вздрагивала перед горящим монитором. Согнутая дугой худенькая спина напряженно выкидывала наружу, через мягкость синего свитера, косточки и снова скрывала их. Тонкие линии рук устало касались клавиатуры, потом вдруг раздраженно вскидывались в сторону, вверх и тянулись к иссиня-черным волосам. Как же ей знакома эта привычка! Сейчас ухватится двумя пальцами за прядь, чтобы сохранить равновесие внутри себя. Она убрала глаза от его напряжения: оно соблазняло, манило. Пошла к окну. Откинула жалюзи, и, встав на цыпочки (о, Боже, она в носочках, даже не позаботилась об обуви), повисла на подоконнике: так вот какой ты, Город Огней! Прекрасен, как всегда: и на картинках, и сейчас, почти в реальности, в бархате полуночного часа. Дернула створку и была готова поклясться, что чувствует чарующее дыхание Каспия. Даже обзорное колесо видно! И соль на губах... все как он говорил... или сама себе это придумала. От восторга она зажмурилась, и поперхнулась собственным счастьем. Неужели это все происходит в действительности, неужели все не вымысел, к которому уже успела привыкнуть?! ...И Каспий, и Город Огней, и этот опустевший офис, и Он — порыв ее страстной души,— все это существует на самом деле! И теперь она, стараясь не потревожить даже неловким шорохом созданную вокруг нее реальность из мифической мечты, может касаться сердцем своим и пылающей кожей яви, той, к которой так долго стремилась... и плакала ночами о ней, и горевала, и воображала. Неужели все это случилось?!

— Бали...— донеслось до нее.

Он продолжал теребить прядь волос (нервничает, а голос ровный, надежный, спокойный, всю жизнь его слушала бы). Речь знакомая, близкая, хотя многие слова еще не понятны. Но это слово она хорошо знает.

— Бали, бали — продолжал он утверждать в микрофон.

Она вскинула глаза к потолку. Зрачки полосовали агрессивные лампы. Ах, если бы Бали...

Но нет, не остров в Индонезии со своими заливными рисовыми полями, пляжами

и коралловыми рифами... «Beli»,— значит «да», только буква «е» должна быть вверх тормашками! И произносится так, словно барашек блеет!

— Буйурун! — выдохнув, произнес он и отключил абонента.

«Vuuyun» — вспомнила она, — значит «пожалуйста».

Она направилась к нему: теперь уже можно, не помешает. Тихо обошла спинку кресла, встав позади, нежно опустила руки ему на плечи. Он затих, затаил дыхание и неожиданно вздрогнул. Она готова была поклясться, что по его телу побежал электрический ток, передался ладошкам, зацепил пальцы. Он оглянулся... И ничего не увидел, кроме пустого офиса. Рядом никого не было. Ни сбоку, ни позади. Не странно. Ведь она смотрела на него из его телефона и видела его в своем устройстве, в котором он замер перед своим горящим монитором, а она, пользуясь ловкой минутой, вдоволь набродилась по опустевшему офису в Городе Огней, где чарует дыханием своим Каспий. Она облизала губы — соленые.

Он посмотрел на нее так, точно только спустился с Марса, вырвался из другого далекого мира и теперь окунулся в нежность теплых глаз, манящих карамельно-мятной сладостью.

— Лялька, шоколад будешь? — улыбнулся он.

И улыбка его засияла, затрепетала на уставшем лице, оживляя его.

— Буду, Кямранушка!

Он расхохотался: так задорно, по-мальчишески, что она тоже прыснула со смеху.

— Только ты умеешь так меня называть, Лялька-джан!

Они раскатисто хохотали, оторванные друг от друга тремя тысячами километров, взрыва смехом своим два разных помещения: он — пустой офис со скелетами наспившихся стульев, она — тихую комнату с уснувшими плюшевыми игрушками.

«San» — душа, ее любимое слово, он научил.

Но раздался новый звонок, он поднял указательный палец вверх, поднес к губам. Она тут же замолчала. Прижала хитрую ладошку ко рту: пока ответит очередному неспящему у вод Каспия, она сможет пожульничать. Она станет смотреть на него в упор, касаться своих влажных губ, темно-ртутных волос, высокого подбородка. Он словит ее взгляд... Уже словил. Смотрит на нее, говорит в микрофон. Лицо заливает пурпурным. Как закат в Городе Огней. Сомкнутые губы теряют твердость, наливаются, отдаются шалости улыбки. Она ползет по ним змеиной кожей... «Plan»* — шепчет она, желая коснуться его губ своими губами. В глазах — черных и синих — скачут веселые чертики... Они тонут друг в друге.

— Шоколад будешь? — отключив абонента, хриплым голосом произносит он, тем самым сбрасывая с себя ее чары и свое желание.

— Буду... — шепчет она, догадываясь, что с ним происходит, понимая, что разожгла огонь, в котором хочется гореть дотла вдвоем, но придется гаснуть поодиночке.

Он протягивает дольку шоколада, подносит к экрану.

— Взяла, — говорит она и берет из шелестящей обертки точно такую же дольку, — смотри, держу.

Они смеются. Каждый отправляет черный квадратик себе в рот. Жуют молча. Задумавшись. Смотрят друг на друга в упор.

— Вкусно? — очнувшись, спрашивает он.

— Угу... — облизывается она. — А ты будешь? — теперь она отламывает дольку и протягивает к экрану.

— Конечно, буду. Я из твоих рук все буду!

«Какой акцент! — думает она, — ему не нужно утратить его». Страшно, если в общении с ней лишится шарма произносимых слов.

И снова звонок. Теперь она видит его висок, пульсирующую венку. Дикое жела-

---

* ilan — змея (перевод с азербайджанского).

ние прикоснуться к ней губами не обуздать. Твердый подбородок, родинка. Он встанет, она видит его брюки и все, что они скрывают. Она отворачивается. Нельзя смотреть. Иначе сердце выпрыгнет наружу. Переводит взгляд на стол и кисть его руки в кадре. Еще больше.

Он отключает абонента, снова его глаза рядом, грустные, как на иконе Христа — страдающие — им пора проститься. Город Огней закрыл веки своих фонарей. В окна бьется рассвет: в его офисе, и в ее комнате — в одном мире на двоих. Сейчас он коснется экрана — и они погаснут вместе с ночными огнями. Поцелуют друг друга и уснут. В жизнь приходит новый день, в котором они существуют по отдельности. В котором ее душа потеряет мягкость. Сквозь полусон она будет клясться себе, что должна забыть его, покинуть и опустевший офис, и Город Огней, освободить его реальность от своего присутствия. Но едва опустится ночь, вопреки километрам, ее клятвам и своей усталости он позовет ее: настойчиво потянет к себе и она не сможет не откликнуться на зов его. И снова сплетутся их души в сети. Расстояние потеряет всякий смысл и значение. Потому что ее руки будут лежать на утомленных плечах его. А он заботливо продолжит кормить ее горьким шоколадом.